

Судьба, вписанная в историю

24 сентября 2019 года в селе Баранове Горшеченского района торжественно открыли памятник генерал-майору артиллерии Захару Травкину. Наш земляк однажды спас будущего лауреата Нобелевской премии Александра Солженицына от ареста.

На открытие бронзового бюста приехали близкие родственники генерала, а также вдова известного писателя Наталья Дмитриевна Солженицына.

Захар Травкин родился 24 сентября 1904 года в селе Никольском Курской области. Открытие памятника было приурочено к его 115-летию. В Красную Армию он ушел в двадцать два года, с июня 1941-го воевал на фронте, был тяжело ранен. Войну закончил генерал-майором артиллерии. За боевые заслуги отмечен орденами Ленина, Кутузова, Суворова, тремя орденами Красного Знамени и другими наградами. В 1956 году отказался ехать в восставшую Венгрию, и в 1962 году принципиального генерала отправили в отставку. Умер в 1973 году в Ленинграде. Похоронен на Богословском кладбище.

Александр Солженицын под командованием Травкина служил во время войны командиром батальонной звуковой разведки. Генерал спас его от ареста, несмотря на угрозы СМЕРШа. Александр Исаевич отразил этот эпизод в своем знаменитом произведении «Архипелаг ГУЛАГ»:

– Комбриг вызвал меня на командный пункт, спросил зачем-то мой пистолет, я отдал, не подозревая никакого лукавства, – и вдруг из напряженной неподвижной в углу офицерской свиты выбежали двое контрразведчиков, в несколько прыжков пересекли комнату и, четырьмя руками одновременно хватаясь за звёздочку на шапке, за погоны, за ремень, за полевую сумку, драматически закричали:

– Вы – арестованы!
И, обожжённый и проколотый от головы к пяткам, я не нашёл ничего умней, как:

– Я? За что?!

Хотя на этот вопрос не бывает ответа, но вот удивительно – я его получил! Это стоит упомянуть потому, что уж слишком непохоже на наш обычай. Едва смершесцы кончили меня потрошить, вместе с сумкой отобрали мои политические письменные размышления и, угнетаемые дрожанием стёкол от немецких разрывов, подталкивали меня скорей к выходу, раздалось вдруг твёрдое обращение ко мне – да! – через этот глухой обруб между оставшимися и мною, обруб от тяжело упавшего слова «арестован», через эту чумную черту, через которую уже ни звука не смело просочиться, перешли немыслимые, сказочные слова комбрига:

– Солженицын. Вернитесь.

И я крутым поворотом выбился из рук смершевцев и шагнул к комбригу назад. Я его мало знал, он никогда не снисходил до простых разговоров со мной. Его лицо всегда выражало для меня приказ, команду, гнев. А сейчас оно задумчиво осветилось – стыдом ли за своё подневольное участие в грязном деле? Порывом стать выше всежизненного жалкого подчинения? Десять дней назад из мешка, где оставался его огневой дивизион, двенадцать тяжёлых орудий, я вывел почти что целой свою разведбатарею – и вот теперь он должен был отречься от меня перед клочком бумаги с печатью?

– У вас... – веско спросил он, – есть друг на Первом Украинском фронте?

– Нельзя!.. Вы не имеете права! – закричали на полковника капитан и майор контрразведки. Испуганно сжалась свита штабных в углу, как бы боясь разделить неслыханную опрометчивость комбрига (а политотдельцы – и готовясь дать на комбрига материал). Но с меня уже было довольно: я сразу понял, что я арестован за переписку с моим школьным другом, и понял, по каким линиям ждать мне опасности.

И хоть на этом мог бы остановиться Захар Георгиевич Травкин! Но нет! Продолжая очищаться и распрямляться перед самим собою, он поднялся из-за стола (он никогда не вставал навстречу мне в той прежней жизни!), через чумную черту протянул мне руку (вольному, он никогда мне её не протягивал!) и, в рукопожатии, при немом ужасе свиты, с отеплённостью всегда сурового лица сказал бесстрашно, раздельно:

– Желаю вам счастья, капитан!

Я не только не был уже капитаном, но я был разоблачённый враг народа (ибо у нас всякий арестованный уже с момента ареста и полностью разоблачён). Так он желал счастья – врагу?!

– Самое главное, что Захар Георгиевич проявил не только военное мужество, но и гражданское, что было в некотором роде труднее, потому что на войне много героев, а в гражданской жизни довольно мало, – поделилась своими воспоминаниями о нем Наталья Солженицына.

Ольга АЛЕКСАНДРОВА
Горшеченский район